

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

В этом котле варились
тысячи человеческих
жизней

РАЗВЕДКА

41 **ГО**

**В ЛЕСАХ
ПОД ВЯЗЬМОЙ**

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

В лесах под Вязьмой

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

В лесах под Вязьмой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-159780-1

Красная армия развивает свой успех после успешного контрудара под Москвой. Но уже под Вязьмой наступление наших войск захлебнулось. Армия генерал-лейтенанта Ефремова попала в окружение. Оказался в котле и взвод разведки лейтенанта Глеба Шубина. Разведчикам удастся нащупать проход в плотном кольце противника. Но в последний момент немцы блокируют этот участок. Контрразведка обвиняет в провале прорыва Шубина. Лейтенанта ждет трибунал, от которого его могут спасти только непредвиденные обстоятельства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159780-1

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

В лесах под Вязьмой

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Координаты секретного аэродрома выявили только на вторые сутки. Странно это было – где-то рядом взлетали и садились самолеты, гул шел отовсюду, даже с востока, откуда они приходили. Ситуация отдавала абсурдом. Акустика здесь имела причуды – звуки отражались от холмов, вязли в ельнике, тонули в болотах. «Чертовщина, товарищ лейтенант, по-другому не скажешь», – бормотал и крестился отсталый в плане материализма красноармеец Паньков. Остальные натянуто улыбались, но тоже терялись в догадках. Мистическая версия выглядела самой правдоподобной – фрицы якобы настолько обнаглели, что привлекают к работе дьявольские силы. Группы по три-четыре человека регулярно выдвигались в разных направлениях, но возвращались ни с чем. Аэродром отсутствовал.

– Нужен научный подход, товарищ лейтенант, – деловито изрек Леонид Пастухов – невысокий, но осанистый парень, отучившийся два года в институте военных инженеров. Данный факт он не выпячивал, даже как-то стеснялся, что два года протирал штаны на студенческой скамье, вместо того чтобы строить социализм, как все нормальные люди.

– Нужно поменьше умничать, – отрезал Глеб Шубин, – и расширить круг поисков. За северную гору не ходили? Боимся ноги стереть? Сержант Мамаев, бери троих – и вперед! А мы подождем. Особое внимание – ориентирам на местности.

Группа была многочисленной, вместе с Шубиным – тринадцать душ, плюс радиостанция весом в пуд. Столь людные компании в тылу врага Глеб не любил. Разведка – дело тихое, но рейд дальний, объект секретный, требовались группы поиска и группы прикрытия. Пришлось прислушаться к рекомендациям капитана Фокина – заместителя начштаба полка по разведке.

Группа базировалась в лощине, вокруг простирался нелюдимый осиновый лес с редкими вкраплениями березняка. Бойцы растянулись и нагребли на себя сухую прошлогоднюю листву. Кто-то пошутил: не кури, мол, товарищ, а то вспыхнешь, как соломенная баба. Сержант Петр Мамаев – широкий в кости, большеголовый, бритый наголо – степенно кивнул, дескать, приказ усвоил и побежал, пригнувшись, в гущу леса. Шубин проводил его взглядом. Парень был толковый, что плохо гармонировало с пудовыми кулаками, способными завалить быка. Красноармейцы Лях, Ветренко и Костромин припустили за сержантом.

Шубин покосился через плечо. Настя Томилина лежала неподалеку и принципиально не смотрела в его сторону. В пухлом ватном комбинезоне она напоминала медвежонка. Капюшон был плотно натянут, завязан под подбородком, но все же непокорные волосы нашли выход на волю. Настя облизнула губы и припала к прицелу снайперской винтовки – очевидно, разглядывала бурундуков. Глеб с трудом оторвал от нее глаза.

Служить на кухне или в медсанбате Настя не желала, всеми правдами и неправдами отстояла свое право находиться в мужской компании. «Никаких амуров на службе!» – решили они и скрепили это решение страстным поцелуем. Незачем смешить народ и отвлекать разведчиков от работы. Но в душе происходило что-то странное. Когда боец Томилина оставалась в части, Шубин чувствовал себя нормально, исчезало беспокойство. А сейчас постоянно приходилось проверять, на месте ли она, внимание рассеивалось. Но сладить с этим бедствием он не мог.

Настя была первоклассной разведчицей, отлично стреляла, умела сохранять невидимость и ладила с головой. Добро на ее участие в боевых операциях дал лично майор Малахов, временно командующий 290-м полком, поэтому Шубину пришлось смириться.

– Женщина в разведке – это в принципе интересно, – поддержал майора капитан Фокин, – и может пойти на пользу мужскому коллективу, если он будет на нее засматриваться...

– Теперь ты понимаешь, что я чувствую, когда жду тебя с задания? – однажды спросила Настя. – Почему я должна мучиться, а ты нет?.. Не волнуйся, родной, я в пекло не полезу, буду работать на подхвате!

Разведчики шептались, посмеивались над женщиной. Но однажды устыдились – в тот день Настя прикрывала группу и пристрелила троих вооруженных до зубов солдат, сидевших в засаде на тропе. Она подкралась с фланга и перебила их прицельными выстрелами. Парни потом тряслись, представляя, от чего избавила их эта молчаливая девчонка...

11 апреля 1942 года. В лесу царит первозданная тишина. Снег практически растаял, деревья и кустарники стоят голые, ошетинились ветвями. Островки черного снега еще встречаются в низменностях. Густеет жухлая трава, но уже кое-где зеленеет свежая поросль. Солнце жарило весь день и недавно пошло на закат. В гуще леса оно почти не чувствовалось, только во время коротких привалов бойцы поднимали к нему лица, греясь в теплых лучах...

За спиной раздался шум – в ложбину съехали в комбинезонах серо-ржавого цвета улыбчивый и курносый Толик Иванчин и лысоватый Косаренко. Последний пристроился на кочке и извлек из кармана мятые папиросы. Иванчин удрученно развел руками. И эти ничего не нашли! Кто бы сомневался!

Вновь раздался гул – самолет приближался, шел на снижение. Хитрая акустика дробила звуки, разбрасывала их налево и направо. Но вроде дело происходило на севере...

Рев внезапно оборвался – самолет провалился в глухую зону. Осталась лишь приглушенная канонада – артиллерия работала плотно на северо-востоке и на юго-востоке. Среди деревьев мелькали люди в ржавом камуфляжном облачении – вспотевшие, перепачканные.

У сержанта Мамаева висел на груди автомат ППШ. За ремень цеплялись ножны с уступающим тесаком – «позаимствовал» у бойца германского спецподразделения. Парни шутили: «Наш сержант сам не свой, как в воду опущенный ходит, если перед завтраком не зарежет пару-другую фрицев!»

Сергея Лях поскользнулся и отбил пятую точку. Ветренко злобно зашипел, но помог товарищу подняться.

– Товарищ лейтенант, ну и дела! Мы, кажется, нашли объект! – Мамаев от волнения глотал слова. – Вы оказались правы, надо было всего лишь расширить зону поиска. Мы в овраг спустились и чесанули по пади. Слышим грохот совсем рядом, даже испугались! И никакой чертовщины, просто аэродром расположен грамотно – в низине, а вокруг него холмы и скалы. Только охраны много, далеко не прошли. Гоша Ветренко собак испугался, ну мы и не стали настаивать.

Мамаев оскалился и мазнул взглядом упомянутого бойца. Тот был спокоен, как буддийский монах, только покачал головой. Хотел еще постучать пальцем по виску, но передумал – сержант ведь какой-никакой.

– Так, пошли, – заторопился Шубин. – Веди, Сусанин, да только правильно веди! Паньков, Ветренко, Саидов – оставайтесь здесь, охраняете рацию, наш самый ценный груз!

Мурашки ползли по коже. Разведчики рассредоточились вокруг скалы, возвышающейся над долиной. Шубин припал к окулярам бинокля. Вот они и выявили важный объект, который находился у них прямо под носом!

До войны это был незаконченный военный аэродром, и его строительство не афишировали. В ближайшем населенном пункте – поселке Плавники – базировались спецтехника и строительный контингент. Аэродром расположили с умом – взлетно-посадочная полоса располагается в долине, над которой возвышаются лесистые холмы, выполняющие роль глушителя. Самолеты взлетали и сразу же растворялись в кучевых облаках. Эта местность с октября 41-го контролировалась захватчиками. Немцы хозяйничали здесь, как у себя дома, вот уже полгода. К строительству привлекли военнопленных и закончили в сжатые сроки. Помимо основной

бетонной полосы, имелась запасная – щебеночно-грунтовая, почти не раскисающая в межсезонье. Вдоль поля выстроились склады и ангары.

Раздался пронзительный рев – снижался самолет. Он вынырнул из-под облаков и стал стремительно терять высоту. Шасси коснулось бетона, машина вздрогнула, проехала метров двести и встала. Со стороны строений побежали люди в комбинезонах – обслуживающий персонал.

Прибыл одноместный двухмоторный штурмовик «Хенкель-129» – одна из последних разработок германской промышленности. Изделие маневренное, опасное, его прозвали «консервным ножом». Эти самолеты только недавно начали поступать в серийное производство, но их уже не любили.

Машина разворачивалась, покачивая крыльями, медленно уходила с полосы. Снова рев – из ниоткуда вынырнул второй штурмовик, плюхнулся на полосу, сбросил скорость. Аэродром работал в штатном режиме. Самолеты взлетали с полной боевой загрузкой, атаковали окруженные советские войска и возвращались на базу. Эти налеты доставляли серьезные хлопоты окопавшимся в лесах подразделениям 113-й дивизии полковника Миронова. Они нападали на колонны, как своры голодных собак, носились за одиночными целями и очень любили преследовать санитарные машины, набитые ранеными.

Снова резануло уши – два штурмовика с минимальным интервалом взлетели и растворились в небе. Задачу можно было считать выполненной, оставалось отправить в эфир координаты объекта. Но Шубин продолжал наблюдение. Аэродром был неприступен – по периметру колючая проволока, охрана с собаками и две вышки. Внешние посты могли располагаться где угодно, даже здесь, в этих скалах.

– Что делать будем, товарищ лейтенант? – подполз к Шубину Мамаев. – Эта штука работает, как часы, принимает даже бомбардировщики. Пока наши ее нащупают, пройдет уйма времени. Может, подкрадемся, перебьем охрану и забросаем полосу гранатами? Какой-нибудь вред да нанесем...

– Отставить, сержант, – поморщился Глеб. – Умирать приказа не было. Не нужны вы мне мертвые. От мертвого солдата толку – ноль.

– Да, это так... – грустно признал сержант. – Нас, живых, с каждым днем все меньше. Оконфузились мы с этим прорывом к Вязьме... – И он замолчал, гадая, где кончается досада и начинается крамола.

На аэродроме базировалась штурмовая эскадрилья. Глеб считал прибывающие и взлетающие самолеты, зачем-то подсчитывал охранников. В задачу входило только выявить аэродром и предоставить его координаты, с остальным должна была разобраться дальняя армейская артиллерия (или то, что от нее осталось). Но любопытство никто не отменял...

Настя грызла травинку и в упор не замечала лейтенанта, в которого была по уши влюблена. Любовь на войне – хуже некуда. Здесь долго не живут, и хорошо, если оба погибнут в один день. Сколько было предчувствий, тоска брала за горло – но нет, они все еще живы. А такими поблажками от Господа могли похвастаться немногие.

В разведвзводе из тридцати человек осталось двадцать – дюжину Шубин взял с собой, остальные дожидались в части. Парни подобрались толковые, но их, увы, брали пули. Гибли каждый день, к потерям относились философски, черствели, переживали в глубине души, наружу эмоции не выставляли. Из прежнего состава взвода, помимо Шубина и Насти, уцелели трое.

Дмитрий Краев погиб неделю назад. Бойцы лежали в окопе под обстрелом, шутили, строили планы на будущее. А потом, когда обстрел усилился, решили переместиться в блиндаж. Но Краев остался. Сразу и не поняли, что с ним, – лежал в естественной позе, словно на минутку прилег. Товарища помянули в тот же вечер. Косаренко был невозмутим, а Толик Иванчин пустил скупую слезу и пробормотал, что скоро они все там встретятся...

Лица менялись, как в калейдоскопе. При отборе Шубин предпочитал спортсменов, ладящих с головой. Петр Мамаев до войны занимался боксом, имеет первый юношеский разряд в полутяжелом весе, неоднократный призер областных соревнований. Приземистый Тимофей Бугров – тяжелая атлетика, ворочает штангу и гири и при этом не страдает неповоротливостью. Харьковчанин Гоша Ветренко занимался метанием копья и тоже добился многого. О своей спортивной карьере вспоминает с печалью – всегда мечтал выступить на Олимпийских играх, поразить своими достижениями не только советских, но и буржуйских граждан...

Глеб с усилием оторвался от бинокля и сполз в ложбину за косогором. По цепочке пошла команда возвращаться в лес, да не шуметь и смотреть по сторонам.

На базу в овраге вернулись минут через двадцать. «Хранители» радиостанции уже ждали.

– Где вас носит? – шипел Ветренко – стройный русоволосый парень. – Все ждалки прождали, а вас все нет!

Жилистый Ленка Пастухов забрался на дерево, ему бросили спиральную антенну. С третьей попытки паренек ее поймал.

– Вот там и сиди, студент, не шевелись, – ухмыльнулся Лева Глинский – боец тридцати лет, с вытянутым лицом и водянистыми глазами.

До войны он окончил радиотехникум в Куйбышеве и уверял, что разбирается в радиоделе. Глинский развернул рацию и надел наушники, при этом поглядывая на небо – под вечер набежали тучи, в любую минуту мог разразиться дождь. Позывные ушли в эфир.

Шубин бегло наговаривал текст: «Объект расположен в двух километрах к западу от поселка Плавники, к нему проложена грунтовая дорога. Бывший заброшенный объект наркомата обороны СССР, ныне перестроенный и функционирующий». Следом пошли координаты объекта: градусы, минуты, секунды – с их определением проблем не возникало. «Объект немаленький, растянут по долине, снарядов лучше не жалеть».

– А что, товарищ лейтенант, в армии остались снаряды? – горестно вздохнул Никита Костромин – сметливый паренек, бывший слесарь-наладчик Горьковского автомобильного завода.

Основания для сомнений имелись – боеприпасы в гибнущей 33-й армии заканчивались катастрофически. Еще неделя-другая, и артиллерия перестанет существовать. В артполку, входящем в состав 113-й дивизии, остались четыре орудия 122-го калибра и ни одного снаряда. Артполк воевал, как пехота, артиллеристов этому не обучали, и картина выглядела удручающе: огромные потери, тонущие в болотах роты, брошенные из-за отсутствия топлива грузовики и тягачи...

– Не волнуйся за нашу артиллерию, Никита, – бросил Шубин. – Появится нужда – все найдут. Есть еще резерв у командарма.

Из полка пришла ответная радиограмма: «Ваш сигнал получен, возвращайтесь. Поздравляем с выполнением задания».

Проклятый аэродром стоял, как кость в горле. Именно с него взлетают штурмовики, доставляющие массу хлопот. Но теперь Шубин расслабился. Дело сделано, осталось дойти до дома. Почему бы в качестве разнообразия не обойтись без потерь?..

Прошли не больше версты. Из-за березы возник худосочный, но жилистый Серега Лях – парень с головой, прибывший из сибирской глубинки – и прижал палец к губам. Бойцы встали. Никита Костромин застыл с поднятой ногой, подумал и медленно ее опустил. Серега отчаянно сигнализировал, бил по плечу сомкнутыми средним и указательным пальцами. Соображали неважно, но в итоге поняли. Потом различили шум. За деревьями пролегала дорога. Двигатель

легкового автомобиля заводился, потом глох и сменялся руганью. Немецкая брань звучит беззубо, в отличие от непобедимого русского мата!

Сергея Лях отступил обратно за березу и присел. Глеб подал знак: «Всем лечь!» Ткнул пальцем в Ветренко и Пастухова: «Вы двое, за мной! И на цыпочках, чтобы тишина была, как в библиотеке!» Все трое, присев на корточки, продолжили движение, а когда за деревьями замаячил просвет, опустились на землю и поползли.

Представшая картина заставляла задуматься. Проселочная дорога петляла в глуши осинника. На ней стоял «Хорх» с опущенным верхом. Машина из бывалых – трещины на лобовом стекле, правое крыло помято. Крышка капота была задрана, в моторе копошился молодой фельдфебель. Он что-то подкручивал, потом бежал за руль, заводил машину. Двигатель работал и глох. Рядом нетерпеливо приплясывал майор люфтваффе с породистой физиономией. Он шипел на водителя, разражался бранью, вскидывал руку с позолоченными часами. Мужчина нервничал, пальцы правой руки поглаживали застежку кобуры, взгляд настороженно скользил по кустам. Опасения были не напрасны. Шубин удивился: «Что вы здесь забыли, герр майор? Заблудились?» Охраны при офицере не было, не считая фельдфебеля, за спиной которого висел автомат.

«Язык» не требовался, задание у группы было другое, но разве может советский разведчик спокойно пройти мимо ТАКОГО? Пастухов возбужденно засопел, словно перед ним стоял не офицер, а неземной красоты девица. Инстинкт сработал, Шубин напрягся.

Двигатель внезапно заработал ровно, без перебоев. Фельдфебель расцвел, выбрался из машины, чтобы закрыть капот. Майор люфтваффе прекратил ругаться и недоверчиво моргнул. Фельдфебель бросил: «Прошу в салон, герр майор! Я же говорил, что все сделаю!» Время на раздумья истекло. Не бывает лишних «языков», каждый по-своему хорош и нужен. Сигнал уловили, бросились все разом.

Майор оторопел, когда из кустарника выскочили три чумазых черта. Офицер был ближе, Глеб летел на него, серая от страха физиономия мелькала перед глазами. Пальцы рвали застежку кобуры – офицер забыл, что она уже расстегнута. Испуганный крик застрял в горле. Глеб ударил корпусом, майор отлетел в дальний кювет и отбил бок. Шубин прыгнул на него, рхнул на колени и двинул ему в челюсть.

У других бойцов, к сожалению, не все шло гладко. Пастухов споткнулся, когда до фельдфебеля оставалось всего несколько метров, ноги перепутались, и он с негодующим воплем покатился по примятому чертополоху. Фельдфебель скинул со спины автомат. Водитель оказался не рохлей – он побелел от страха, но руки у него работали. Солдат передернул затвор, вскинул автомат. Что-то просвистело. Ветренко чуть не вывихнул руку, метая подвернувшуюся жердину. Он мог бы выстрелить, но шуметь не хотелось. Занятия легкой атлетикой не прошли даром – жердина просвистела, как копье, и сбила фельдфебеля с ног. Удар в грудную клетку вышел мощным. Ветренко хмыкнул и осторожно подошел к своей жертве.

Шубин за шиворот вытащил майора из канавы. Тот еще не пришел в себя, фыркал, как конь. На щеголеватой шинели порвались пуговицы, фуражка укатилась. Глеб вытолкнул его на середину проезжей части и избавил его кобуру от «вальтера». Майор, шатаясь, упал на колени.

– Ветренко, да ты и впрямь метатель! – оценил Шубин.

– Само получилось, товарищ лейтенант, – пожал плечами боец. – Эта штука просто под ногами валялась...

Бросок оказался смертельным: толстый конец жердины разбил грудную клетку, обломки ребер пронзили жизненно важные органы, открылось внутреннее кровотечение. Фельдфебель загибался, глаза вращались по кругу. Агония была недолгой, вскоре он вздрогнул и успокоился.

Ленька Пастухов застонал, перевернулся на спину и часто заморгал.

– Живой, недотепа? – склонился над ним Ветренко.

– Ага, вроде бы... – Леонид облизал сухие губы. – Тряхнуло душевно, а так ничего... Голова в норме... Травка блестит...

– И солнышко зеленеет, – засмеялся Ветренко. – Ладно, давай руку.

– Сам ты недотепа, – проворчал Пастухов, но от помощи товарища не отказался. – Не повезло мне просто, а вы и рады!

– С таким «невезением» можешь однажды всю группу подвести, – проворчал Глеб и повернулся к лесу. – Эй, зрители, особого приглашения ждете? Выходите, благодарите артистов за выступление!

– Нам понравилось, товарищ лейтенант! – Из-за дерева высунулась довольная физиономия Мамаева. – Приятно посмотреть! Опять же, была интрига – конфуз с Ленкой!

Пошучивая, разведчики выбирались из леса. Не шутил лишь длинноногий Саид Саидов, уроженец солнечной Узбекской ССР. Во-первых, у него имелись другие необходимые разведчику качества. А во-вторых, он тащил на закорках 12-килограммовую рацию.

– Смотрите, какого орла повязал наш командир, – поцокал языком Тимофей Бугров. – Прямо глыбища, а не «язык»! Можно я ему в челюсть дам, товарищ лейтенант? – Тимофей сжал пудовый кулак.

– Отставить! – встрепнулся Шубин. – Во-первых, я ему уже дал. А во-вторых, после твоего удара он вообще без головы останется. За что тогда страдал красноармеец Пастухов?

Разведчики смеялись, Ленка злился – ведь с каждым такое может случиться!

Пленный майор приподнял голову. Он весь скукожился, глаза потухли, из разбитой губы сочилась кровь. Рефлексы работали – он поднял руку, чтобы посмотреть на часы. Но красивый позолоченный хронометр сломался при падении, циферблат треснул. Майор потрясенно смотрел на застывшие стрелки.

– Сочувствую, герр майор, – вздохнул Глеб, переходя на язык Карла Маркса и Фридриха Энгельса. – Но уверяю вас, это не самая серьезная ваша проблема. Для начала вам придется побегать – вспомнить, так сказать, босоное детство. – Он не заметил, как заговорил по-русски. – Или какое там у вас было детство в фатерлянде... Эй, мужики, хорош ржать, все за дело!

Двигатель еще работал.

– Эх, прокачу! – пробормотал Толик Иванчин, прыгая за руль. – Товарищи, кто со мной? Но безмятежной езды не обещаю!

«Хорх», сотрясаясь бортами, перевалил через кювет и запрыгал по кочкам. Пробившись сквозь кустарник, он сверзился в канаву. Иванчин ударился грудью о руль, но выбрался довольный, потирая отбитое место. Мертвого фельдфебеля выбросили туда же – некогда оказывать воинские почести.

– На восток! – скомандовал Глеб. – Мамаев, Бугров, гоните пленного! Только не бейте, он нам нужен в добром здравии.

Выбор этой парочки был неслучаен. Над душой майора теперь висели два звероподобных существа с металлическими кулаками, и он исправно шевелил ногами, переступая через препятствия. «Шире шаг, немчура!» – командовал тяжелоатлет Бугров, и полковник все понимал, втягивал голову в плечи и ускорялся.

Сумерки подступили вплотную, поползли по земле. Майор провалился в канаву и забуксовал в грязном снегу. Его схватили под мышки и вынесли на ровное место. Шубин объявил привал.

Возник насущный вопрос: успеет ли группа до темноты вернуться в расположение? Пороть горячку не стоило. Зарыться в лапник где-нибудь в ельнике – ночи уже не холодные – и просто дожить до рассвета. Спешить, в сущности, некуда. Но до полной темноты еще предстояло побегать.

– Не успеем, товарищ лейтенант, – кричал Бугров, перетаскивая пленника через канаву. – Как пить дать не успеем! Но ничего, нам лес – дом родной. Этого кренделя могу оглушить – до утра не очнется. Тот же сон, только качество похуже. – И любитель поупражняться с гирями хищно осклабился.

– Посмотрим, боец, не будем загадывать.

Короткий привал сделали на поляне, окруженной кустами шиповника. Настя перевела дыхание, достала из недр комбинезона чистый платок, утерла лоб.

– Куда вы смотрите, герр майор? – насторожился Глеб. – Вы правильно поняли, это женщина. Привлекательная, правда? Но не советую к ней совершать подкаты – рискуете получить прикладом.

– Надо же, вы говорите по-немецки. – Немец презрительно скривил губы.

– Да, доводилось общаться с вашим братом. Вы не первый, герр майор... Советская разведка, лейтенант Шубин. Напомню, что следует вести себя благоразумно, не качать права, не пытаться бежать, а по прибытии в нашу часть честно отвечать на все вопросы. Жизнь изменилась, герр майор, и в ваших интересах под нее подстроиться.

Он обшарил карманы пленного и извлек документы, перочинный нож и батистовый платок, который, поколебавшись, предложил Насте. Но та презрительно фыркнула и отвернулась.

– Итак, вы майор Герман Карлсдорф, командир звена 185-й штурмовой эскадрильи 24-й авиационной дивизии...

– Точно. И теперь вы понимаете, лейтенант, что человеку моего уровня недоступны военные секреты и планы командования. – Карлсдорф презрительно усмехался, но в глазах поблескивал тоскливый огонек. – Не знаю, стоит ли вам гнать меня в свою часть – мне нечего рассказывать, кроме того, что вы уже сами знаете. Еще несколько дней, и ваша 33-я армия окажется в глухом котле. Ей останется только сдаться. И не важно, станут ли вам известны некие военные тайны. Город Вязьма несчастливый для вас, не так ли? Уже второй раз ваши войска попадают здесь в окружение...

– Не напрашивайтесь, я не хочу вас бить. Зачем настаивать на том, что еще не произошло? Допрашивать вас я не собираюсь, для этого в Красной Армии существуют специальные органы. Хочу лишь предупредить, чтобы вы вели себя правильно. Один вопрос, герр Карлсдорф: какого черта вы оказались без охраны в этой дыре?

– Я всего лишь летчик, не штабист, о какой охране вы говорите? – поморщился майор. – Я получил два дня выходных по случаю легкой контузии. У поврежденного самолета взорвался бензобак, а я по нелепой случайности стоял неподалеку. Больше никто не пострадал. Сейчас я в норме, возвращался в Плавники из Губино, где и проводил свой краткосрочный отпуск. Там налажен офицерский быт, есть развлекательное заведение и даже бар, где работают ваши повара, прошедшие обучение. За мной прислали машину. Но когда мы возвращались, то обнаружили, что подмыло дорогу в районе моста, образовался провал. Это случилось всего за какой-то час. На карте есть объездная дорога, Вильгельм уверял, что уже ездил по ней. Район теоретически опасный, но кто не рискует...

– ...тот не пьет шампанское, – кивнул Глеб. – Ну что ж, сочувствую, герр Карлсдорф. Сегодня не ваш день. Район действительно так себе. Надеюсь, вы хорошо отдохнули в Губино?

– Не надо надо мной издеваться! – вспыхнул майор. – Вы с таким же успехом могли оказаться на моем месте!.. Послушайте, лейтенант... – Майор сделал над собой усилие и со скрипом заговорил дальше: – Я не собираюсь ничего скрывать, готов сотрудничать с советскими властями и рассчитываю на достойные условия содержания в плену. Я не участвовал в военных преступлениях, не люблю СС, недолюбливаю Адольфа Гитлера и проводимую им политику. У меня больная астмой жена и четверо маленьких детей, мы вот уже несколько лет жертвуем немалые суммы детскому приюту на Рубинштрассе...

– Святой вы человек, герр Карлсдорф, – уважительно заметил Глеб. – Не знаю только, оценят ли вашу святость жители мирных советских городов, которые вы бомбили, и раненые военнослужащие, которых вы расстреливали. Это вам доставило удовольствие, не так ли?.. Вы покраснели, герр Карлсдорф, – это возмущение или стыд?.. А, я понял. Так поступают другие, а вы лишь выполняете свой воинский долг... Ладно, к чему эти разговоры, майор? Скажите спасибо, что ваши речи понимаю только я, не то мои люди уже порвали бы вас.

Пленный надрывно закашлялся.

Внезапно в стороне начался сильный артобстрел. Взрывы раздавались в нескольких километрах к западу. Работала тяжелая дальнобойная артиллерия. Вздрагивала земля. Разведчики застыли, вытянули шеи. Обстрел продолжался несколько минут. Артиллерия работала по площадям, обрабатывая заданный участок территории. Потом все стихло – так же резко, как и началось. Люди одобрительно посмеивались, негромко разговаривали. Шубин облегченно выдохнул – свершилось. Пленный майор забеспокоился, его глаза тревожно поблескивали в полумраке.

– Еще одна неприятная для вас новость, герр Карлсдорф, – не без удовольствия начал Глеб. – Советская артиллерия разбомбила ваш аэродром вблизи Плавников. К сожалению, вы не сможете воочию в этом убедиться, вам остается только поверить. Может, к лучшему, что вы не доехали? По крайней мере, вы живы. И это состояние будет прямо пропорционально вашему желанию сотрудничать с советскими властями.

Немец подавленно молчал.

– Мы требуем продолжения симфонии! – засмеялся Ленька Пастухов. – Наслаждение для ушей! Все кончено, товарищ лейтенант, аэродрома больше нет?

– Надеюсь, что так. – Шубин крикнул и бодро поднялся. – Все, товарищи, посидели – пора и в путь. Немцы не в восторге от случившегося и будут прочесывать окрестности. Уйдем до темноты как можно дальше.

Но далеко они не смогли уйти. Пока в серых тонах еще сохранялась видимость, они спешили выйти из леса, чтобы переправиться в соседний массив и там заночевать. Но на открытом участке группу обстреляли. Кто стрелял, неизвестно, но огонь вели фронтальный, в лоб. Возможно, мотоциклетный дозор, получивший приказ не выпускать из леса «грибников». Надрывно тарахтел пулемет. Разведчики дружно попадали в траву. Шубин замешкался, Настя подлетела, ударом ноги сбила его с ног и упала сверху, тяжело дыша – перепугалась за командира.

– Спасибо, милая...

Он рывком сменил позу, отполз. Разведчики корчились в траве, вспоминая уместные слова. Противник продолжал стрелять, в полумраке разражались вспышки. Завелся мотоциклетный мотор – значит, правильно подумали. Но не пойдут же они в атаку!

– Отползаем в лес! – закричал Шубин. – Не вставать!.. Все целы?

– Вроде все, товарищ лейтенант, – прокрихтел Бугров. – Они ведь тоже ни хрена не видят.

– У кого немец?

– У нас, товарищ лейтенант, мать его так! – ругался Мамаев. – Сбежать пытался, за ногу его поймали!

Люди пятились, как раки, и огрызались короткими очередями. На другом краю открытого пространства что-то происходило. В мутном воздухе бегали люди. Вспыхнула фара. По ней и открыли огонь – дружно, напористо. Немцы поздно осознали свою ошибку. Фара разбилась, свет погас. Солдаты бранились, стонал подстреленный военный. Бойцы по очереди перекатывались в лес. Мамаев тащил «языка», одаривая его затрещинами. Немцы не рискнули идти на штурм по причине своей малочисленности, но боеприпасы изводили увлеченно. Разведчики вкатились в лес, продолжая отстреливаться.

Теперь Настя замешкалась – дышала, будто кросс промчала. Екнуло сердце – постоянно приходится за нее переживать! Но все в порядке, она не ранена. Глеб схватил ее за шиворот и потащил в гущу растительности. Настя отбивалась, требовала позволить ей идти самостоятельно.

Потерь не случилось. В лесу под треск автоматных очередей провели перекличку.

– Вы должны сдать! – сдавленно хрипел майор Карлсдорф. – Поймите, у вас нет шансов отсюда выбраться! Германское командование великодушно предоставляет вам последний шанс! У вас будут достойные условия содержания в плену!

Дальше майор перешел на фальцет, бессвязно запищал – сильные пальцы сержанта Мамаева сжали ему горло.

– Братцы, почему я должен сам разбираться с этим оленем?! – возмущался Мамаев. – Вы вконец обнаглели! Бугров, Паньков – ко мне! Теперь это ваш пациент. Смотрите, чтобы он не ушел!

Группа в полном составе отступила в лес. Темнота пожирала последние капли света. За стеной деревьев трещали моторы – два мотоцикла кругами носились по полю. Немцы боялись подъезжать к опушке и обрабатывали ее свинцом.

– Нашли развлечение, твари, – процедил сквозь зубы припавший к березе Лева Глинский. Шубин лаконично командовал:

– Отступаем дальше, направление – на юг, вдоль опушки! Да пошевеливайтесь, товарищи красноармейцы, скоро вся германская армия соберется в этом квадрате!

Опасения имели массу оснований. Люди в спешке рвались сквозь осинник. Острые ветки царапали кожу. Несколько раз замирали, прислушивались. Огонь прекратился. Сквозь порывы ветра доносился гул моторов. «Неважны наши дела, – чертыхался Шубин, неустанно озираясь на девушку. – Такая огромная страна, а спрятаться нигде».

Метров через семьсот он дал приказ остановиться. Тьма еще не улеглась, силуэты колыхались в мутном воздухе. Глеб вышел к опушке, присел за раздвоенной осиной. До соседнего леса было метров пятьсот – не такая уж критическая даль. Местность неоднородная – канавы и бугры. Посторонние пейзаж не нарушали. Возможно, немцы решили, что русские ушли обратно в лес или отправились на север – в любом случае, у них нет сил контролировать весь квадрат. Но скоро прибудет подкрепление, в этом сомнений не было. Дорогу на восток закроют. И хорошо, если только эту дорогу.

На короточках подобрался сержант Мамаев, пристроился рядом.

– Вроде нет никого, товарищ лейтенант. Рванем по-быстрому до того леса?

– Рванем. Понесем, как метеоры. Одна нога здесь, другая там. Даю четыре минуты на преодоление пространства. Командуй, сержант. Всем рассыпаться, движемся шеренгой!

Добежали почти удачно. Дважды кто-то падал, раздражался бранью, но обошлось без серьезных травм. Небольшое удивление вызвала проселочная дорога. Через нее бойцы перелетели без остановки.

Грузовик, набитый пехотой, внезапно выскочил из-за леска, когда до опушки оставалось метров тридцать. Фары ударили в бегущих людей. Шубин закричал, чтобы никто не останавливался, чтобы все бежали в лес. Настя споткнулась, он подхватил ее за шиворот. Давился хрипом майор люфтваффе, Тимофей Бугров колотил его по мягким частям тела и рычал: «Вперед, долбаное грузило!» Солдаты в кузове устроили переполох, старший надрывался. Захлопали выстрелы. Стонал и кашлял Шура Паньков, на которого перегрузили рацию. Солдат было больше, чем разведчиков, – полный кузов, десятка два. Опомниться не успели, как грузовик оказался сзади, завизжали тормоза, машина пошла юзом. Пятился Саидов, прикрывая отход, строчил без передышки. Лес, как назло, оказался разреженный, голый. Тимофей Бугров швырнул в кустарник майора и прыгнул следом. Остальные вбегали рваной шеренгой. Огонь усилился. Откинулся борт, солдаты посыпались на землю и разбежались. Беглецы уже были в

лесу, рассредоточились по волнистой местности. Убегать – несерьезно, лес простреливался. Пули выли, обламывая ветки и кору. Кто-то ахнул и грузно упал – зачем поднялся, мать его?! Но вроде шевелится, отползает. Назревала атака – солдаты рассыпались по полю, двигались короткими перебежками. Рядом ожесточенно стреляла Настя, выкрикивая слова, за которые неплохо было бы получить по губам. Боеприпасы кончались.

– Чем ответим, товарищ лейтенант? – выкрикнул Косаренко. – У меня уже пусто!

– Троекратным «ура»? – предложил Пастухов и нервно засмеялся.

Со стороны опушки прогремел нестройный залп. Поднялась шеренга, пробежала несколько шагов и снова залегла. Немцы действовали невозмутимо, по своей науке. Следовало отдать им должное, в бою они вели себя грамотно. Кто-то бросил гранату – взрыв выдрал голый куст, никто не пострадал. Надсадно кашлял Глинский, вдохнув пороховую гарь.

– Товарищ лейтенант, здесь лощина! – прокричал в затылок Серега Лях. – Можно укрыться!

Шубин снова орал, срывая голос:

– Отходим! Головы не поднимать, гранаты к бою!

Гранат у разведчиков было немного, но невыгодную позицию следовало в корне менять. Четверо прикрывали отход, остальные откатывались. Немцы уже вошли в лес и теперь прятались за деревьями. Еще одна граната сработала прямо перед носом. Шубин отталкивал от себя Настю – опять она рвется в бой, глупая! Вдвоем они скатились в лощину. Сверху падали другие. Шубин отчаянно работал локтями, лез на косогор. Он не видел, кто оказался слева, но у парней еще оставались патроны, и поднявшимся немцам дали отпор. Падали убитые, кто-то картинно повалился на колени и треснулся лбом о землю, словно желая помолиться перед дальней дорогой на тот свет. Остальные искали укрытие. Шубин тоже стрелял – экономил патроны, сдувал жирный пот, сочащийся со лба, но одному прострелил ногу, и он валялся на спине, дрыгая здоровой конечностью, а другому попал то ли в грудь, то ли в плечо, и раненый теперь корчился за деревом. Рядом тоже кто-то стрелял – кажется, Иванчин, – но у него закончились патроны. Боец отложил автомат и застыл, как волк перед броском. Только этого не хватало! Глеб схватил его за шиворот и сбросил вниз. Боец скатился, протяжно воя. У смельчаков на левом фланге кончились патроны, они сползали в лощину. Это были Ветренко и Костромин. Дыхание смерти опалило виски, немели плечи. Шубин выкрикивал команды, но выходила какая-то какофония. Из травы вырастали фигуры, переходили на бег. Двое вырвались вперед, один метнул гранату, оба присели. Боеприпас не докатился до ложбины, взорвался раньше. Лейтенанта там уже не было – он успел сползти по склону. Другие последовали его примеру. Взрывом разметало косогор. Разведчики рассыпались по пади – лезть на обратный склон было глупо. Хрустели ветки – немцы шли к лощине. Патовая ситуация – некогда проводить перегруппировку. Противника встречали последними патронами. Глеб расставил ноги, прикрывая Настю, и перебросил через вспаханный косогор последнюю гранату. Толик Иванчин будто опомнился, сделал то же самое.

– Сейчас получают у меня, шайтаны! – взбесился Саидов и тоже выхватил гранату, метнулся на склон и перебросил ее, будто мяч в баскетбольную сетку. Блеснул ребристый корпус лимонки мощного действия.

Гранаты взрывались в гуще подбегавших солдат. Еще хлопок – очевидно, немец приготовил «колотушку» для броска, да не успел, – и боеприпас сработал под ногами. Никто не видел, что происходит, но урон был немалый. Выжившие по инерции бежали и ныряли в овраг.

На Шубина летел детина с вытаращенными глазами. Он мог накрыть разведчика, как бык овцу! Глеб повалился на колени и прижался к откосу. Фашист перелетел через него, ударив сапогом по ключице, сделал впечатляющий кульбит. От падения солдат лишился чувств, а когда пришел в себя, на нем уже сидела Настя Томилина и яростно била его ножом в грудь. Шубин растерялся. Немец изогнулся, но Настя вцепилась в него, как наездница в мустанга. Жертва хрипела, но уже не сопротивлялась.

В ложбину катились солдаты, атакующих встречали штыковыми лопатками и прикладами. Началась потасовка. Лейтенант выхватил нож. Сверху катился еще один претендент на взбучку – молодой, поджарый. Он ухитрился найти опору, прыгнул и сбил лейтенанта с ног. Боль не ощущалась, но до смерти было рукой подать. Немец давил массой, плевался, пальцы тянулись к горлу. Рука с ножом оказалась вывернута. Но Глеб не выпускал рукоятку, сжимал ее скрюченными пальцами. Противник дотянулся до шеи, сдавил ее сильными пальцами. Прийти на помощь оказалось некому – Настя еще не разобралась с громилой, остальные тоже были заняты. Мир тускнел, кислород поступал в организм малыми дозами. Враг сладострастно дышал, кряхтел от усердия. Он придавил своим животом руку с ножом. Шубин напрягся, правая конечность работала на изгиб, медленно выворачивал лезвие, преодолевая сопротивление массы тела. Кухонный нож давно бы сломался, но эта сталь была первосортная. Между лезвием и вражеским брюхом угол все рос. Немец ничего не чувствовал, он делал свою работу. Кислород в легкие практически не попадал. Но вот фашист занервничал, заерзал. Давление на горло уменьшилось, появилась возможность вздохнуть. Острые уже не щекотало, а входило в тело медленно, пока что под углом. Немец испытывал дискомфорт, его дыхание срывалось. Рука чуть не хрустнула в запястье, но лезвие, наконец, встало вертикально и по рукоятку вошло в тело. Немец задрожал, дыхание стало сиплым. Глеб с усилием провернул рукоятку, разрывая внутренние ткани. Противник затрясся, руки разжались. Глеб скинул его с себя и выдернул нож. И вовремя – изо рта умирающего хлынула кровавая пена.

Жирные круги плясали перед глазами. Рукопашная была в разгаре, бились насмерть. Корчились умирающие. Стонала обессиленная Настя, прикорнула к своему громиле, который не подавал признаков жизни. Бились молча, не устраивая истеричных сцен. Хрипел, схватившись за живот, ефрейтор, полз куда-то на коленях, орошая землю кровью, пока не уткнулся каской в бугор. Оскалился другой, выдергивая нож из кровоточащего тела. Он мотнул взъерошенной головой, уловив движение. Шубин набросился на него сзади, схватил за шею, повалил на себя и ударил ножом в горло. Отпихнув агонизирующее тело, он бросился на следующего – тот уже практически расправился с Ленкой Пастуховым, у парня тоскливо блестели глаза. И этот отвалился, получив «перо» в бок.

– Пацаны, добьем супостата! – взревел страшный, как черт, Серега Лях. – Амба, мы уже победили!

Доля истины в его словах была. После обработки гранатами противник потерял численное превосходство, а в ближнем бою был несилен. Взрехали луженые глотки. Лева Глинский подобрал пустой автомат, схватил его за ствол и принялся работать им, как кувалдой. Растрепанный обер-гренадер получил по голове и разлегся на склоне. Подбежал Ветренко, ударил по виску сапогом. Финал приближался. Немцы дрогнули, полезли обратно на склон. Их осталось четверо, все порезанные, дезориентированные. Последнему под ноги бросился Никита Костромин. Немец с воплем заскользил обратно. Его встретили с распростертыми объятиями – набросились, как коршуны на падаль, стали забивать. Солдат орал, вспоминал какого-то бога. И остальные далеко не ушли. Иванчин схватил брошенный кем-то МР-40 и ударил длинной очередью. Магазин иссяк, но добавка не требовалась. Пули достали всю троицу – двое погибли сразу, третий захлебнулся кровью и рвотой.

Ноги не держали, Шубин опустился на колени. Настя выжила – сидела, вытянув ноги, и очумело вращала глазами, словно скатилась с горы без лыж и санок.

Внимание привлек майор Карлсдорф. Еще чуть-чуть, и он бы не привлек ничьего внимания! Пленник полз по дальнему склону, воровато кося глазами, затем поднялся и засеменял прочь. Когда Шубин догнал его, тот уже карабкался на следующий склон и что-то хрипел в отчаянии. Так не хотелось за ним лезть! Глеб поднял с земли узловатую корягу и швырнул ее майору в спину. Немец не удержался, нога заскользила. Шубин поморщился – в ноге пленника что-то хрустнуло. Он зарылся носом в бугорок нерастаявшего снега и начал задыхаться.

– Вот зачем, герр Карлсдорф? – бормотал Глеб, поднимая его за шиворот. – Вы сами виноваты! Лежали бы смирно, и ничего бы не случилось.

Офицер люфтваффе сделал попытку подняться и ахнул, нога подломилась. Глеб протаскивал его за шиворот и бросил среди мертвых и умирающих.

Победа оказалась пиррова, радоваться совершенно не хотелось. Шубин сидел на склоне и жадно курил. Зыбкие тени блуждали в темноте. Фонари освещали поле боя. Настя сидела на коленях, утирая слезы. За жизнь двух десятков немцев отдали пятерых своих. Вроде неплохая математика, но все равно тошно.

Тела ребят вытащили из общей кучи и уложили в ряд. Погиб Косаренко, потрясенный Толик Иванчин сидел рядом с ним и всматривался в мертвое лицо. Погибли оба «богатыря» – сержант Мамаев и Тимофей Бугров. Первый разбил голову при падении, второго в упор застрелил из пистолета унтер-офицер. Участь последнего была незавидной, но это не утешало. Погиб Саид Саидов, неулыбчивый выходец из солнечного Узбекистана. Немец ударил его лопаткой по шее, разбил позвоночник – Саид умирал мучительно и долго. Шуру Панькова сначала сочли живым – он какое-то время подавал признаки жизни, подрагивал. Но скоро все закончилось, сердце остановилось. Бойцы перестали приводить его в чувство и нервно закурили.

– Нужно уходить, товарищи, – сказал Шубин. – Накройте ребят чем-нибудь, нет времени хоронить. Немцы будут здесь очень скоро – слетятся на шум. Собрать оружие и боеприпасы, через минуту выступаем! Пойдем в темноте, деваться некуда. Не сможем идти – ляжем спать.

– Куда майора, товарищ лейтенант? – устало спросил Ветренко. – Он ногу сломал, а на себе мы его не дотащим...

Игнорировать проблему было невозможно. Пошатываясь, Глеб добрался до майора. Пленник кряхтел, иска приемлемую позу, и делал страдальческое лицо. Он не притворялся, перелом был болезненный.

– Почему вы так смотрите, лейтенант? – Майор омертвел от страшных предчувствий. – Вы в меня бросили корягу, вы сами виноваты...

– Не стоило сбегать, герр Карлсдорф. Вас предупреждали – вы не послушались.

– Подождите, я смогу идти! – заволновался майор и стал подниматься. Но снова охнул, когда оперся на больную конечность, и грузно завалился. Сооружать ему костыли или нести на себе смысла не было. Люди устали, а немцы висели на хвосте.

– Будем считать, что мне очень жаль, герр Карлсдорф. – В табельном ТТ оставалось несколько патронов. – Извините, что потревожили, как говорится. Отпустить вас не можем, вы должны понимать.

– Дьявол... – проскрипел зубами майор. – Подождите, лейтенант, не стреляйте, дайте подготовиться!

Лицо пленника побелело, он впился ногтями в землю, губы что-то шептали. Шубин терпеливо ждал, хотя мог этого не делать. Кем бы ни был этот паршивец, а последний миг – штука деликатная.

– Все, лейтенант. – Майор расслабился. – Стреляйте, только побыстрее...

Не поймешь этих сложных личностей – то им быстрее, то медленнее... Шубин выстрелил майору в висок, поднялся и побрел к своим. Выжившие сидели кучкой и мрачно смотрели на командира.

– Не берите в голову, товарищ лейтенант. Легко пришел – легко ушел, – проговорил Ленка Пастухов. – Сколько их еще будет – этих майоров и подполковников...

– Посидим еще – нисколько не будет. – Шубин убрал пистолет в кобуру. – Все готовы? Пошли, нечего рассиживаться!

Глава вторая

На рассвете группа Шубина обогнула немецкие посты и прошла безопасной тропкой через минное поле. Сон на свежем воздухе придал сил, люди ежились от холода.

– Нормально, братцы, скоро лето, – бормотал, стуча зубами, Пастухов. – Как-нибудь доживем, тогда отогреемся на солнышке.

Дозорных об их возможном появлении предупредили, препятствий им не чинили. Полк дислоцировался в лесистой местности на берегах двух рек (глубина обеих позволяла ходить вброд). Штаб располагался в деревушке Разборова, больше напоминающей хутор, а подразделения – в окрестных осинниках. Здесь были вырыты траншеи, построены землянки и блиндажи. Личный состав взвода обитал на узком пятачке вблизи околицы, поэтому всегда долевой кухни они добегали первыми. Деревушка не раз подвергалась авиационным ударам, сюда заходили штурмовики. Штабистам каждый раз удавалось пробежать до леса. Красноармейцы и командиры вперемешку лежали в траншеях, а когда опасность миновала, штабисты, тихо ругаясь, возвращались к месту службы.

Разведчики разберлись по ходам сообщений. Товарищи встретили их, удрученно вздыхая.

Пятерых потеряли! А ведь могли никого не потерять!

Капитан Фокин – заместитель начальника штаба по разведке – выслушал доклад и покачал лысоватой головой.

– Сочувствую, лейтенант, жаль твоих людей. Но это война, куда денешься? Про майора, которого ты пристрелил, забудь – невелика потеря. Он летун, такие немного знают. Считай, что он долетался. И в конце концов, не за «языком» вы ходили. Задание выполнено на отлично, аэродром мы расхреначили – ты, наверное, слышал. Теперь никаких налетов, красота! – Капитан осторожно посмотрел на небо и улыбнулся. – По крайней мере, с этого аэродрома больше не прилетали. Можем вздохнуть свободно... Но в остальном ситуация сложная, за время твоего отсутствия она не улучшилась... Западными лесами противник не пойдет – там дорог практически нет, – а вот с севера и юга в скором времени надавит... Но пока отдыхайте. До завтра точно ничего не произойдет.

Люди приходили в себя, чистили и зашивали маскировочное одеяние – рассчитывать, что выдадут новое, было смешно. В лесу выспались, но и сейчас от сна не отказались. На севере и юге гремела канонада – немцы сжимали кольцо окружения. Но в расположении частей 113-й дивизии полковника Миронова пока было тихо.

Для Насти в свое время вырыли собственную землянку – крохотную, с настилом и топчаном. Над головой – накат из бревен. В качестве временного обиталища вполне сойдет. Все-таки женщина, нельзя ей жить вместе с мужиками. Красноармейцы в шутку ворчали, что строили для бабы и на то, что к ней мужик зачистит, не рассчитывали. У Шубина был собственный угол в блиндаже. Люди шушукались за спиной, завистливо вздыхали, но за рамки не лезли. Одни пошучивали: «В этой девице есть изюминка, никто не устоит. А лейтенант у нас молодой, привлекательный, наивный. А там даже не изюминка, там целая слива с косточкой!» Другие поглядывали на парочку с печалью: «Дело пропащее – крутить любовь на войне. Легкая интрижка – другое дело, убьют одного – от другого не убудет». Но здесь без бинокля было видно, что боец Томилина сильно влюблена в Шубина. А их обоих убить могут в любой день, и весьма странно, что до сих пор не убили – ведь воюют с первого дня! Вслух об этом не говорили, но мысль витала в воздухе и лишала покоя.

Он залез к ней в землянку, когда сгустилась тьма. Хотя люди все знали, он все равно шел, как вор, сгорая от стыда и озираясь. Настя втащила его в землянку и повисла у него на

шее. Выпрямиться в полный рост было трудно – макушка билась о накат. Рассохшиеся нары заскрипели, и казалось, что скрипит весь лес и ржет вся дивизия!

– Тише, Глеб, тише... – шептала девушка, обвиваясь вокруг любимого мужчины.

Потом они лежали, занимая единственное спальное место, и лениво смотрели, как коптит снарядная гильза, а дым уходит в щель под потолком. Гнали прочь дурные мысли, старались не вспоминать, что было вчера, позавчера. Лица погибших мелькали в сознании, отступали, присоединялись к бесконечной когорте умерших ранее. Им было хорошо в землянке, они строили планы на будущее, в котором не было места войне.

– Майор Гуньков опять ко мне подкатывал, – прошептала Настя. – Ты не представляешь, как он надоел. Все люди как люди, а этот настырный, так смотрит, глазками маслянистыми обволакивает – брр! Ведь знает, что я к тебе неровно дышу, ни на кого тебя не променяю, а продолжает лезть, намеки отпускает, предлагает спуститься к речке и уединиться на берегу, а за это освободить меня от выполнения служебных обязанностей и отправить в тыл, где я якобы буду как сыр в масле кататься.

Глеб поморщился. Майор Гуньков – помощник начальника штаба по строевой части, лучший друг майора Сумина, начальника особого отдела полка – был крайне неприятной личностью. Подозрительный, непредсказуемый, себе на уме, гордый на любую пакость. Командиры его не любили, но терпели. Свои обязанности майор Гуньков худо-бедно исполнял. Он действительно поглядывал на Настю, делал ей непристойные предложения, а на Шубина косился недобрый взглядом. Но пока не пакостил, присматривался. Что он мог сделать Шубину? Да ничего! Кулаки чесались дать по морде, но он держал себя в руках. Для майора Гунькова это был бы очень дорогой подарок.

– Лучше бы ты этого не говорила, – недовольно проворчал Глеб. – Однажды точно не выдержи, съезжу ему по роже.

– И кому сделаешь лучше? – Настя задрожала и прижалась к нему. – Вот Гуньков обрадуется, когда у тебя начнется насыщенная, но недолгая жизнь: арест, трибунал, расстрел. И никакой майор Малахов с капитаном Фокиным тебя из беды не вытащат.

Расстаться было сложно, но он не мог оставаться в этой «усыпальнице». После полуночи он поднялся, потеснив спящую женщину, и выбрался из землянки. Курил, наблюдая, как в ночном воздухе переливаются огни фонарей, слушал канонаду. Немцы ночами обычно предпочитали спать, но сейчас работали круглосуточно, сокращая личный состав окруженной армии. Спокойствие вокруг деревни Разборово было хрупким, могло разбиться в любую минуту. Докурив, Шубин пробрался в блиндаж, кивнув постовому Лыкову, и боком протиснулся к своему топчану. Блиндаж ходил ходуном от дружного храпа. Но засыпали и не в таких условиях. Впрочем, этой ночью Шубин не мог уснуть, ворочался, пихал Серегу Ляха, норотившего прижать его к стене. После каждой вылазки в немецкий тыл свободных мест становилось больше, но все равно было тесно. Он лежал, таращился в земляной потолок и вспоминал минувшее...

Тактическая группа Катукова свою задачу под Москвой выполнила – отогнала фашиста на запад. Наступление продолжалось. В первой декаде февраля Шубина и выживших бойцов из взвода включили в ряды 290-го полка 113-й стрелковой дивизии, входящей в состав 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова.

В начале войны генерал командовал 29-й армией, она вела тяжелые бои на могилевском направлении. Армия сковала крупные немецкие силы и задержала их продвижение к Днепру. В августе генерала назначили командующим войсками Центрального фронта. В сентябре – заместителем командующего Брянским фронтом. Он возглавил 10-ю армию, а в октябре стал командующим 33-й армией. С конца ноября армия сражалась на реке Нара. Когда фельдмаршал Бок предпринял очередную попытку фронтального прорыва к Москве и смял позиции

одной из стрелковых дивизий, Ефремов действовал грамотно и решительно. Наро-Фоминский прорыв создал угрозу для Москвы. Сводная группа Ефремова встала неодолимой стеной, в течение нескольких дней разгромила противника и отбросила его с занимаемых позиций. Положение на реке Нара было восстановлено. 33-я армия полностью освободила Наро-Фоминск, в начале января – Боровск, еще через две недели – Верею. Армия была измотана, нуждалась в отдыхе и в пополнении.

На это и рассчитывало ее командование. Поэтому полной неожиданностью стал приказ Жукова наступать на Вязьму. Не только Ефремов – все войска Западного фронта перешли в наступление. Но в этом состоял главный просчет командования. Приказ Сталина наступать на всех фронтах не был подкреплён ресурсами и привел к потере инициативы и неоправданным жертвам. Поначалу наступление развивалось неплохо, 33-я армия подошла вплотную к Вязьме и устремилась в глубокий прорыв. Но плацдарм не расширили, толком его не обороняли. Командование требовало идти вперед, не снижая темпа. 33-я армия вырвалась вперед, когда противник фланговыми ударами перерезал коммуникации, и армия фактически оказалась в западне. Наступление заглохло, войска перешли к обороне. Немецкие контрудары следовали один за другим. Ефремов предпринял несколько попыток вырваться из котла, но они провалились. Войска подвергались непрерывным ударам с земли и воздуха. 43-я армия, наступавшая рядом, пыталась пробить коридор к группировке Ефремова, но и эти попытки завершились неудачей. Армия гибла в вяземских лесах, людей становилось меньше...

Но пока наступление развивалось по плану, произошло знаменательное событие – партизанской группе полковника Моисеевского удалось прорваться к наступающим частям. Все эти месяцы командир погибшей в октябре дивизии вел успешные партизанские действия, крупно нервировал врага, уничтожал тыловую структуру и коммуникации. Отряд несколько раз менял дислокацию, уходя от карательных облав, обрастал людьми и техникой и в итоге превратился в серьезную силу. К войскам примкнули больше тысячи партизан – бывшие красноармейцы и местные жители.

Во время описываемых событий произошла встреча с Лидой Разиной. Шубин месяцами о ней грезил, всячески проигрывал в голове этот волнительный момент. Ранее поступали весточки, что Лида жива, но в последние месяцы радиосвязи не было, приходили только сведения, что отряд существует и борется. И вот случилась эта долгожданная встреча...

Она сильно изменилась, похудела, глаза запали. Но остались привлекательность, какая-то беззащитная интеллигентность, скромность, застенчивость. Краска прилила к щекам Глеба, руки затряслись. А Лида, наоборот, побледнела, вымученно улыбнулась. Они обнялись, но эти объятия напоминали дружеские. Шубин поцеловал ее в щеку, потом в уголок губ – Лида позволила это сделать, но напряглась, съежилась, посмотрела на него большими умоляющими глазами. Он почувствовал, что происходит что-то не то. Но ведь и с ним, если вдуматься, тоже что-то не то! Они разговаривали дежурными фразами, мол, «ты как?», «я очень соскучился», «да и я скучала». В груди щемило, накатила глухая печаль. Оба испытывали неловкость. Наконец Лида призналась, сгорая от стыда, что она беременна, уже на втором месяце – так получилось, она не хотела. Вернее, поначалу не хотела, а когда узнала... В общем, все запутанно, сложно, да еще эта проклятая война. У нее теперь другой мужчина – так судьба распорядилась. «Неужто полковник Моисеевский?» – кисло улыбнулся Глеб. Лида замотала головой – нет, это было бы слишком. У Александра Гавриловича семья, дети, хотя поначалу он действительно оказывал ей знаки внимания. Отец ребенка – заместитель начштаба партизанского отряда по разведке. Упорный парень, завоевал ее сердце, да и с фашистами сражается отважно.

Этот экземпляр подглядывал за ними, сильно нервничая. Про Шубина он, разумеется, был в курсе. Не сказать, что прежний избранник Лиды ему понравился, но желания кинуться в драку не возникло. Эти двое волновались, как дети!

Снова зазвучали дежурные слова: прости, никто не виноват, жизнь так повернулась, не забывая писать, еще встретимся. Боль сквозила в ее глазах. Она ушла. Долго пятилась, потом повернулась, побежала. Глеб смотрел ей вслед и, что странно, не чувствовал большого потрясения. Чувствовал только печаль, растерянность и немного удивления: почему в этой жизни так быстро все кончается?

Позднее он видел эту парочку – Лида была бледна, вяло улыбалась, а бравый разведчик-партизан активно заговаривал ей зубы, держал ее за руку, обнимал за плечо.

Такое ощущение, что Настя Томилина тоже подглядывала. Знала, куда побежал лейтенант, и сходила с ума, заламывала руки. Но когда он вернулся, ничего не сказала. В ее глазах не было торжества, она вела себя скромно. Лишь потом тихонько подошла, обняла и прошептала на ухо: «Сам решай, как жить будешь, не хочу вмешиваться».

В глубине души остались осадок, грустные воспоминания и досадное чувство, что по его чувствам потоптались.

Аэродром уничтожили, но положение оставалось тяжелым. Остатки армии окопались в лесах восточнее Вязьмы, кольцо окружения сужалось. 43-я армия прекратила попытки прорваться к окруженцам, все чаще возникало горькое чувство, что армию бросили на произвол судьбы. В частях и подразделениях осталось не больше трети личного состава, кончались боеприпасы и провиант. Постоянная перегруппировка сил ни к чему не приводила, до полного краха оставалось недолго.

Шубина вызвал комполка. Майор Малахов сидел на табурете, окутывал себя горьким табачным дымом и печально разглядывал обмусоленную карту.

– Пойдешь на восток, лейтенант, – нужно разведать местность. Комдив Миронов приказал прорываться, у нас двое суток на раскачку. Возможно, что одни сутки, но хотелось бы больше. Приказ исходит от армейского командования, а оно действует на основании директив штаба Западного фронта. Понимаю, что попыток было уже много, но их не следует прекращать... Ты присаживайся, не стой столбом, здесь все свои... Вот здесь, на юго-востоке, 43-я армия застыла и не движется. Она понесла в предыдущих боях большие потери. Между нами немцы заполонили все так густо, что мышь не проскочит. А вот здесь 50-я армия. – Карандаш майора нарисовал дугу, сместившись на северо-восток. – Имеются сведения, что генерал-лейтенант Болдин Иван Васильевич скоро двинет свои части, чтобы прорубить к нам коридор. Когда это произойдет, неизвестно, каждый день на счету. Прорываться решено вот здесь, между деревнями Рыковка и Бутырино. В населенных пунктах стоят усиленные гарнизоны, там на много верст протянулись укрепленные позиции. Минные поля, орудия, танки. Вот здесь – Мышковский бор. Следует разведать дорогу вдоль его южной опушки. Если пройдем эти шесть верст, сможем ударить с тыла по 18-му мотопехотному полку вермахта и оттянуть его силы. В это время основная часть дивизии пробьется через кольцо. Вот здесь, восточнее, мы зайдем оборону и создадим условия для выхода из окружения всех остальных частей. Но это в теории, при идеальном раскладе, а что подкинет жизнь, мы не знаем... Хотя можем предположить. Атаковать в лоб Рыковку – самоубийство, а ведь именно это предлагал армейский штаб. Положим массу людей, а сможем ли захватить плацдарм, один Бог ведает. Данную идею, к счастью, уже не продвигают, но могут к ней вернуться. В общем, спеши, Шубин! Нужно выявить место, где можно прорваться быстро и без серьезных потерь. Пока таким местом видится проселок вдоль Мышковского бора.

Группа из шести человек выступила спустя час. Темнело, шли налегке.

Когда совсем стемнело, добрались до немецких позиций и спустились в балку, заросшую лещиной. Ползли аккуратно – справа звучала немецкая речь, солдаты вермахта травили несмешные байки, слева работали генераторы, лязгала траками техника. Вражеский пост бла-

гополучно обогнули. Фигуры солдат возвышались на пригорке, соблазн перерезать их был крайне велик.

Метров через сто сделали остановку. Шубин выполз на открытое место, приступил к наблюдению. Ситуация складывалась любопытная. Здесь стояла только рота, усиленная парой танков, да пара пулеметных гнезд в траншеях. Ни орудий, ни минометов. Если подобраться вплотную по балке и стремительно напасть, этот участок можно будет взять под контроль сравнительно малыми силами. А что дальше?..

Настала ночь, россыпи мигающих звезд устлали небо. Триста метров от балки пришлось ползти. Немцы пускали в небо осветительные ракеты. Южная опушка Мышковского бора вырисовывалась во мраке. Ее огибала проселочная дорога. Возникли опасения, что этой артерией могла воспользоваться гибнущая дивизия – слишком уж место открытое. Можно пробиться через жидкие заслоны, но тогда мгновенно слетятся стервятники с крестами на крыльях, разбомбят остатки армии в пух и перья.

Разведчики сделали остановку. Глеб отправил Ветренко и Никиту Костромина осмотреть западную опушку. Бойцы отсутствовали долго, Шубин начал нервничать. Но они вернулись, причем с весьма интересной новостью: помимо означенной дороги, существует еще одна, тремястами метрами севернее. Начинается она у западной опушки и тянется через лес. Дорога нормальная, почти сухая, немцев на ней нет. Парни обследовали ее метров на триста и вернулись. Красноармейцы потянулись в указанном направлении.

Это была весьма продуктивная ночь. Жаль, поспать не удалось. Но за три часа не встретили ни одного фашиста!

Дорога за лесом спускалась в низину, огибала болото, затем снова терялась в густом осиннике. Она упиралась в деревню (если верить карте, в совхоз «Октябрьский»), где стояли немцы. Но можно свернуть и воспользоваться разреженным сосняком, убегающим в седловину между лесистыми холмами...

Посреди ночи группа вышла к берегу обмелевшей реки Таменки, где встретила лишь несколько замаскированных пулеметных ячеек. На противоположном берегу как раз находилось расположение 50-й армии. Этот был опасный путь, чреватый ловушками, но путь реальный! Задачу вывести войска без потерь никто не ставил. Шубин заспешил обратно.

Силы еще не кончились, но спать хотелось зверски, разведчики зевали так, что выворачивали челюсти. Снова перебежками перебрались через редколесье, проползли по балке мимо постов и наконец погрузились в лес между деревнями Бутырино и Рыковка.

До рассвета оставалось полчаса, небо начало сереть, когда в районе Рыковки стали падать снаряды. Вела огонь советская артиллерия. Шубин похолодел, дал приказ остановиться. Что происходит?! Немцы первыми не начинали, все было тихо! Пальба напоминала артподготовку перед наступлением. Разведчики выжидающе смотрели на командира, а тот наполнялся скверными предчувствиями. Стрельба из орудий велась минут семь, что удивительно, ведь снарядов было с гулькин нос.

Группка людей выбралась из леса, пересекла овраг, прошла краем озера с обрывистыми берегами и с пригорка принялась наблюдать за этим кошмаром. Шубин кусал локти, задыхаясь от бессилия. Какого дьявола они творят?! Ведь группа уложилась в срок! Только одна ночь прошла! Он был уверен, что командарм Ефремов не отдал бы безрассудный приказ штурмовать Рыковку, ведь ее можно спокойно обойти и воспользоваться намеченным маршрутом. Видимо, поступил очередной необдуманный приказ из штаба фронта... Долина перед деревней лежала как на ладони. На участке, где засели разведчики, войск не было – местность болотистая, а тропы надо знать. Минное же заграждение преодолели легко.

Артподготовка прекратилась, из леса в сторону деревни бежали красноармейцы, странство раскололо нестройное «ура!». Вражеская оборона на участке была сильна –

несколько траншей, пулеметные гнезда, минометная батарея в дальнем перелеске. Это было чистое безумие! Расстреливать нужно за такие приказы! Красноармейцев было много, новые взводы выбегали из леса.

В полку в штатных списках числилось четыре батальона. Очевидно, из двух сформировали штурмовую группу, набрали две с половиной сотни человек. Немцы крайне удивились такому повороту. Людей загнали в ловушку, но зачем с ума сходить? Артобстрел не нанес им серьезного урона. Со стороны было видно, что в траншеях царит активность, солдаты бегают, занимают места. Пострадавших оттаскивают за пределы позиций. Атака батальона была страшной – солдаты бежали, жутко орали. Одни носились с карабинами с примкнутыми штыками, другие – с автоматами ППШ. Казалось, им ничто не мешает преодолеть шестьсот метров открытого пространства...

– Что же они делают, дураки? – простонал, сжимая кулаки, Лева Глинский. – Разве можно так, товарищ лейтенант? Кто приказал? Зачем?

Но подобные приказы выходили пачками. Людей гнали на убой, лишь бы выполнить приказ и не оказаться в опале у начальства.

Немцы не стреляли, подпускали врага ближе. Красноармейцы ускорались, неслись на окопы – фактически валили толпой. Махали пистолетами младшие командиры, бежали вместе со своими бойцами.

Они преодолели две трети поля, когда противник все-таки открыл огонь. Работали как минимум четыре пулемета. Красноармейцы начали валиться гроздьями – их расстреливали в упор. Выжившие бежали, кричали что-то невнятное. Редущая волна катилась через поле. Когда до вражеских позиций оставалось сто метров, толпа живых уже не впечатляла численностью, но бойцы не сбавляли бег, спеша добраться до окопов. Немцы невозмутимо вели огонь. Поле устлали мертвые тела. Но живые бежали, и это выглядело страшно. В перелеске работала минометная батарея. Взрывы расцветали перед бегущими, осколки поражали человеческую плоть. Несколько мин взорвались в гуще солдат. Батарея произвела еще один залп. Стена разрывов поднялась перед атакующей шеренгой, и, наконец, бойцы дрогнули и начали залегать. Их оставалось теперь не больше трети от изначального состава. И отступить поздно – проще добежать до вражеской траншеи, нежели вернуться обратно. Но даже в лежащих попадали пули, люди вздрагивали, перекатывались, тряслись в конвульсиях. Поднялся представитель среднего комсостава – последний, оставшийся в живых, – что-то прокричал простуженной глоткой, пробежал несколько шагов и повалился, сраженный пулей. Бойцы бежали дальше. Смотреть на это было больно. Их оставалось все меньше, а когда дистанция сократилась до тридцати метров, они начали валиться десятками. Не добежал никто – последний боец выронил карабин, зашатался и рухнул навзничь.

Разведчики подавленно молчали. Сказать было нечего – нет таких слов. Все произошло практически под боком – до левого фланга погибшего батальона было метров сто. Раненые стояли и корчились. Немцы смеялись, продолжали стрелять по павшим. Шубин застонал и сполз с косогора. Как такое могло случиться? Ведь могли без сложностей обойти эту линию обороны! А теперь появится очередная «Долина Смерти», которых и так уже не счесть. Вывезти трупы невозможно – поля простреливаются, – поэтому тела лежат неделями, разлагаются под весенним солнцем и распространяют невыносимую вонь.

– Товарищ лейтенант, смотрите... – вдруг позвал Шубина Пастухов.

Глеб вернулся на позицию. Над полем витал густой дым. Ветра практически не было, поэтому этот дым не рассеивался. Мертвые тела громоздились друг на друге... Погодите, откуда взялась девушка-санструктор? Она здесь одна! Невысокая, крепко сбита, с медицинской сумкой на ремне – она выбралась из канавы и ползла к раненому. Бойцы затаили дыхание. Эту девчушку уже видели раньше, она служит в медсанчасти, и зовут ее, кажется, Варя Коше-

лева. Маленькая, симпатичная, улыбчивая, ведет активный образ жизни, всегда всем помогает. Но какого черта она тут делает?! Шубин присмотрелся. Варя подползла к раненому, улеглась на бок, начала что-то выискивать в своей сумке. Видно было плохо, но, похоже, она проводила перевязку. Боец шевелился, пытался лечь на бок. Варя ему что-то говорила, гладила его по голове. Руки девушки работали быстро.

– Всех излечит, исцелит... – неловко пошутил Лях и смущенно замолчал.

Варя закончила перевязку и предприняла попытку вытащить раненого с поля. Но этот бугай был вдвое тяжелее ее и на голову выше. Варя тужилась, но даже с места его сдвинуть не могла.

– Да куда ж она его – такая шпала... – скрипел зубами Пастухов.

Варя оставила попытки и поползла дальше, направляясь в сторону разведчиков – быстро, извиваясь маленьким телом, словно кого-то приметила. «Какая бесстрашная», – мелькнула в головах мужчин растерянная мысль. Разведчики наблюдали за ней, затаив дыхание. Варя доползла до подстреленного бойца и снова зарылась в сумку. Раненый ей что-то шептал, повернув голову.

В этот момент ее засекли немцы. Прогремела пулеметная очередь. Пули принялись кромсать мертвые тела. Они попали в раненого, и тот вздрогнул и затих. Варя ахнула, начала его трясти, но боец не реагировал. Девушка глотала слезы, размазывала их кулачками по лицу. Себя она, по-видимому, считала заговоренной. Опять поползла, опираясь на локти и таща на себе тяжелую сумку. Пули просвистели над головой. Девушка ахнула, уронила голову, но через несколько секунд опять поползла и добралась до ямки. Высунувшись из нее, она принялась подтаскивать к себе раненого бойца, благо тот не отличался богатырским сложением. Но немцы добились и этого парня. Они развлекались, улюлюкали и заливисто свистели, девушку намеренно не трогали. Варя плакала, не зная, что делать.

– Не могу я на такое смотреть... – процедил сквозь зубы Ленька. – Товарищ лейтенант, разрешите? – И, не дожидаясь отказа командира, он скатился с косогора и исчез в зарослях жухлого бурьяна.

– Эй, стоять! Отставить! – зашипел Шубин.

Но было поздно. Оставалось, стиснув зубы, наблюдать за происходящим. До Вари было метров сто. Разведчики напряглись, зароптали. Шубин прошипел:

– Всем оставаться на месте, хватит нам одного шалопа!

В эту сторону немцы не смотрели. Где-то внизу затрясся жухлый бурьян, мелькнули сапоги, и Пастухов выкатился на поле и быстро дополз, виляя задом, до бугорка.

– Товарищ лейтенант, он совсем сбрендил? – прошептал впечатленный Костромин. – Не ожидал я такого от Леньки!

Варя кого-то заметила, сделала попытку перебежать. Еехватило метров на десять, она повалилась, зажмурилась и зажала уши пальцами, когда громогласно застучал пулемет.

Из траншеи выбрались трое солдат, отряхнулись и вразвалку двинулись в поле. Потеха продолжалась – они решили взять девчонку живой и хорошенько с ней отдохнуть. Они брели по диагонали, никуда не торопясь, и обменивались комментариями. Ленька Пастухов полз к девушке, он не мог не видеть немцев. Боец спешил, энергично двигая локтями и коленями и прячась за трупами. Варя привстала, увидела фашистов, и глаза ее вновь наполнились слезами. Один из немцев поприветствовал ее поднятой ладошкой, сделав жест, мол, никуда не уходи. Варя дернулась, прогромела очередь, пули вскопали землю под ногами, и девушка рухнула. В этот момент она заметила представителя полковой разведки. Хотела закричать, но передумала. Пастухов приложил палец к губам, что-то показал. Даже в этой страшной ситуации Варя хорошо соображала. Она осталась на месте. Немцы приближались к ней, вся троица лучезарно улыбалась. Белобрысый солдат призывно махал ладошкой, дескать, вставайте, фройляйн, уже можно. Но вместо нее поднялся Пастухов и ударил по немцам, прижав приклад к плечу. Пова-

лились все трое. Впрочем, один сразу же подскочил и пустился наутек. Из плеча сочилась кровь. Но пробежал он немного – пуля догнала несостоявшегося кавалера.

Ленька припустил к Варе, а пока бежал, бросил гранату в сторону вражеских позиций. Потом еще одну, рассчитывая на дымовую завесу. Расчет оказался верным, дым уплотнился. Немцы из окопов открыли ураганный огонь, но фору Леньке дали. Он заорал благим матом, Варя сорвалась с места и бросилась к нему. Ленька схватил ее за руку, и они помчались вдвоем, перепрыгивая через мертвых и кашляя в дыму. Риск был смертельный!

А сколько же разведчикам можно сидеть без дела?! Шубин закричал:

– Огонь, братцы! Отвлечем внимание!

Вряд ли с такой дистанции их автоматы могли в кого-то попасть, но внимание точно отвлекли. Немцы забегали по траншее, принялись разворачивать пулемет. И снова у парочки получилась фора. Они неслись, как угорелые, добежали до края поля и рухнули в бурьян. Голова у разведчика работала, он потянул девушку в обход, за косогор.

– А ведь как подходят друг другу, товарищ лейтенант! – засмеялся Костромин, разряжая диск. – Смотрите, какие молодцы! Прямо жених и невеста!

Боец с девушкой уже ползли по канаве – можно считать, ушли от врага. За все это время с советской стороны не прозвучало ни одного выстрела. Да и что они могли сделать? Немцы упорствовали, пулеметная очередь обрушила пласт глины с косогора. Бойцы скатились с обратной стороны, побежали к дальнему лесу. Местность за пределами поля была сложной, непригодной для наступательных операций.

Пастухов и Варя ждали их в глубокой канаве. Девушка скорчилась, ее трясло. Слезы на лице смешались с грязью, она продолжала все это размазывать. Пастухов был бледен, недоверчиво поглядывал на девушку, как будто сам был впечатлен собственным поступком.

– Ни мышонок, ни лягушка... – хихикнул Ветренко.

– Все, Ленька, – бухнул Глинский, падая в канаву. – Теперь, как порядочный человек, ты должен на ней жениться!

У Вари был шок, она перестала понимать, что происходит. Шубин поторапливал:

– Свадьбу будете обсуждать позднее, а сейчас – бегом! И вы тоже, барышня!

Цепочка людей заструилась по канаве и втянулась в кустарниковый массив. Немцы с запозданием открыли минометный огонь. За спиной бухали взрывы, разлетались в щепки деревья и кустарники. Последним, втянув голову в плечи, семенил Толик Иванчин, вздрагивал от каждого взрыва и монотонно бубнил: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел и от тебя, фриц, уйду...»

Майора Малахова трясло. В одночасье он потерял половину личного состава. А что происходило с моральным духом у оставшихся, можно только представить. Малахов нервно курил, метался по избушке. Капитан Фокин сидел в углу и потрясенно созерцал пространство.

– Почему, товарищ майор?! – вскрикнул Шубин, влетев в избушку. – Вы мне дали двое суток, мы справились за одну ночь! Что случилось? Зачем отправили людей умирать?!

– Шубин, ты же не хочешь, чтобы я тебя пристрелил? – Майор прервал беготню и уставился на лейтенанта свирепым взглядом. – Будь уверен, пристрелю, если не угомонишься!.. Ладно, прости. – Он шумно выдохнул и плюхнулся на табуретку. – Кое-кому невтерпеж, рвут и мечут, требуют идти на Рыковку. Приказ поступил из штаба фронта: немедленно принимать меры, не дожидаясь, пока вернется разведка. Потому что, может, она вообще не вернется.

– Мы вернулись, – мрачно заметил Шубин. – И не с пустыми руками, товарищ майор.

– Да иди ты! – отмахнулся Малахов. – Я не мог игнорировать приказ, сам понимаешь. Никому он не понравился, но разве попрешь против? Думаешь, мне не жалко погибших ребят? Да я в следующую атаку лично пойду, и пусть меня убьют – хоть не так стыдно будет!

– И что теперь делать, товарищ майор?

– Хотел бы я знать... Будем дожидаться нового «гениального» приказа.

В полку осталось меньше двухсот человек – седьмая часть от списочного состава. Время бездарно упустили. На вторые сутки выяснилось, что немцы заткнули лазейку в районе памятной балки. Подошел мотопехотный батальон, рассредоточился по округе. Место возможного прорыва взял на контроль пулеметный взвод. Бойцы, доложившие об этом, удрученно вздыхали, отворачивались. Кольцо сжималось. Пока у противника не хватало сил расцечь позиции 33-й армии, но дамоклов меч уже завис и с каждым днем становился ощутимее. Продолжались обстрелы. Подразделения полка перебазировались в юго-восточном направлении, окопались за речкой Вяземкой. Глубина этой водной артерии была по пояс, но речка имеет высокие обрывистые берега, способные сдерживать танки. Единственный мост на этом направлении был разрушен, саперы установили временные понтоны, чтобы прошла техника, а потом сами же их взорвали. Тем же вечером немцы провели разведку боем, два десятка солдат камышами подкрались к речке, где их засек пулеметчик. Перестрелка была недолгой, противник откатился, потеряв несколько человек. Раздосадованные неудачей гитлеровцы устроили минометный обстрел, но что-то подобное от них уже ожидали, и подразделения откатились в лес. Два дня стояло затишье, если не замечать регулярно взрывающиеся мины и снаряды.

Жизнь продолжалась. Ленка Пастухов стал часто отлучаться из расположения, околачиваться у медсанчасти. Несколько раз его замечали в компании Вари Кошелевой. «Молодые» увлеченно болтали, по-особенному смотрели друг на друга. Дел у Вари было не впрокорот, в строю осталось всего несколько медиков, но ей удавалось улучшить минутку-другую, чтобы поворковать со своим спасителем. По возвращении Ленку встречали скалящиеся физиономии, и это его бесило. Никакого такта, товарищи красноармейцы!

Майор Гуньков опять не давал прохода Насте – делал выразительные намеки, звал прогуляться. В отсутствие Шубина ухаживания становились настойчивее.

– Видеть его больше не могу! – призналась девушка. – Ты ушел на задание, а он пробрался в мою землянку с веником из подснежников – и снова за старое... Нет, руки не распускал, вел себя прилично, но еле выгнала. И ведь совсем не смущается, что ребята все видят! Упрашивал бросить разведку и перевестись в штаб, где я буду за ним, как за каменной стеной. Уверял, что он ко мне не просто так ходит, что намерения у него самые серьезные, и после войны он обязательно возьмет меня в жены. Мол, запал на меня с первого взгляда и теперь ничего не может с собой сделать, так и тянет его ко мне. И дышит на меня, дышит, подснежники свои сует! Я могла бы с ним справиться – сам знаешь, и не таких мужиков ломала, – но он майор, а я простой красноармеец... Будь осторожнее с ним, Глеб, – говорят, этот майор очень мстительный, может так напасть, что потом не отмоешься. Знаешь, что он мне сказал? Что скоро тебя убьют – не могут не убить, ты и так лишнее прожил, – и куда я тогда? А с ним, мол, всегда буду пристроена...

С этим кавалером нужно было что-то делать. Шубин подкараулил майора на берегу ручья, когда тот наполнял фляжку.

– Ба, Шубин! – оскалился Гуньков. – Имеешь, что сказать? Лицо у тебя уж больно решительное. Подожди, позволь догадаться...

– Вы уже догадались, товарищ майор, – сухо отрезал Глеб. – Не пора ли прекратить эту вашу деятельность? Некрасиво выглядит.

– Да неужели? – Майор Гуньков насмешливо посмотрел ему в глаза. – Вы, никак, женаты, Шубин? Нет, не женаты? Не обручены, заявление в загс не подавали? Чем ты лучше меня? Запудрил бабе голову – она и размякла. Думаешь, я не знаю про твою бабенку из моисеевского отряда? Ты ждал ее, вы встретились, а она тебя отфутболила. Другого кавалера нашла. Думал, я не знаю?.. А ты не промах оказался, парень. – Гуньков хохотнул. – Запасной вариант держал. Пока одной нет, другая согреет... Ох, да ты уже кулаки сжимаешь! Ударить хочешь?

– Хочу, товарищ майор. И, видит бог, когда-нибудь ударю – не посмотрю, что вы старше по званию. И пусть под трибунал пойду – стерплю. Не ваше дело, кто у меня был, а кто есть. У вас тоже семья в Ярославле. Многоженство в СССР запрещено, забыли? Настя вас недолюбливает, это видят все, даже вы сами. Держитесь от нее подальше, товарищ майор, а то ведь всякое бывает...

– Угрожаешь, – с удовлетворением констатировал Гуньков. – Оборзел ты, Шубин. Вконец зарвался. Думаешь, начальство к тебе благоволит, и так вечно будет? На кого ты варезку раскрыл, дурачок?.. Что смотришь, как на буржуазию? Ты еще скажи, что я тебя боюсь.

Разговор не клеился. Кулаки у Шубина чесались, и майор это видел и откровенно глумился. Он был прав насчет Лиды Разиной, и это еще больше выводило из себя. Каков шельмец, все выведал! Но Шубин сдержался, не дал волю рукам. Загнать под трибунал куда проще, чем кажется.

15 апреля 50-я армия перешла в наступление с целью пробить коридор к ефремовцам. Несколько соединений вошли в прорыв и теперь успешно продвигались вперед. Но удача была недолгой – немцы из района Грибово нанесли мощный контрудар и отбросили армию, когда до воссоединения с войсками Ефремова осталось всего два километра. Слабое место усилили, немецкие войска рассредоточились по деревням, оседлали проселочные дороги. По отступающим частям армии наносились артиллерийские удары. 33-я армия оказалась полностью запертой. Но бойцы не сдавались, держались за каждый клочок земли. Позиции 290-го полка подверглись массированному обстрелу. У Шубина во взводе погибли двое – Попов и Шевелюк. Мина взорвалась перед окопами, и бойцов завалило землей. Когда их откопали, они уже были мертвы. Немцы под прикрытием артогня пошли в атаку, прыгали с обрыва в реку, брели по пояс в воде. Танк Т-3 сделал попытку с разгона одолеть водную преграду, обвалил обрыв, миновал реку, но застрял на противоположном обрыве – забуксовал, зачадил. Подполз боец с гранатой, и танк объяло пламя, он так и остался торчать на обрыве в перекошенном виде. Атаку отбили, десять трупов уплыли по течению. Остальные неохотно отошли и рассредоточились в складках местности. Начиналась позиционная война. С обеих сторон работали снайперы, стороны обменивались руганью, которая очень хорошо разносилась по воде.

У 116-го полка, расположившегося севернее, дела обстояли еще плачевнее. Танки протюжили позиции, выжившие откатились к лесу. Вместе с бойцами отступал штаб полка – десяток командиров среднего звена. От части осталось полторы сотни красноармейцев. Выжившие докатились до опушки, где попали в очередную засаду. Немцы обошли эту засаду, с удобством расположились у леса и принялись косить бойцов из пулеметов. Взвод охраны штаба предпринял отчаянную атаку, пробился к опушке. Погибли почти все, но дорога была расчищена. Два десятка штабистов ушли в лес. Немцы продолжили преследование, загнали людей в болото.

Капитан Фокин срочно вызвал Шубина и поставил перед ним задачу:

– Их семнадцать человек, лейтенант. Сидят в болоте, оттуда и радировали. От немцев оторвались, но заблудились. У них много раненых – даже если бы знали дорогу, все равно бы не вышли. Нужно их вывести. Координаты тебе сообщат. Там командир полка майор Хонякин, начштаба Вобликов, полковой комиссар Гольцман и еще несколько человек. Сам понимаешь, мы не можем их бросить. Помнится, ты уже ходил через Грязевы топи, так что заплутать не должен. Действуй немедленно. Ляг костями, но людей вытащи. Сколько у тебя бойцов?

– Тринадцать, товарищ майор. Было больше, но буквально сегодня троих потеряли. Вернее, они живы, но ранены.

– Красноармеец Томилина тоже входит в их число? – хмыкнул Малахов.

– Конечно, товарищ майор, она такой же боец.

– Слушай, пожалей бабу! – рассердился комполка. – Хотя бы сегодня оставь ее в расположении. Убьют – век же потом себе не простишь! Ладно, тебя убьют – дело, как говорится,

житейское, – но если все же ее?.. Да расслабься, чего ты так напрягся? Послежу я за твоей зазновой, не дам в обиду. А ты работай и ни на что не отвлекайся. Двенадцать человек – нормальный отряд.

Глава третья

До опушки, за которой в низине простирались болота, оставалось двести метров, когда появились мотоциклисты на «BMW R-75». Разведчики лежали за кочками, грызя травинки и испытывая нервную систему. Три машины подъехали со стороны сельскохозяйственного поля, где догнивала колхозная картошка, и встали у опушки. Траектория движения отряда как будто нарочно пересекалась с этой группой. Мотоциклисты в элегантных прорезиненных плащах медленно проехали вдоль леса, потом развернулись и покатали обратно. Снова встали, посовещались, покурили и стали наматывать круги вокруг опушки. Разведчики с тоской наблюдали за их перемещениями. От земли исходил холод – вообще-то не май месяц!

– Ну, ядрена дверца, прискакала легкая кавалерия... – ворчал красноармеец Завадский – 35-летний мужчина с полностью седой головой. – Товарищ лейтенант, долго будем любоваться этим дефиле?

– Может, прикончим их и войдем в лес? – предложил молодой и нетерпеливый Вадик Муренич – выпускник витебского машиностроительного техникума и мастер спорта по бегу на короткие и длинные дистанции. – А чтобы трупы пейзаж не портили, затащим их в кусты...

– Помолчи, – осек его Шубин. – Стрелять начнем – все фрицы с области слетятся. Они все болота окружили, а к каждой кочке солдата не приставишь.

Мотоциклистам надоело маяться без дела, они покатали в объезд лесной чащи. Сперва они превратились в маленьких «солдатишков», потом окончательно пропали.

– Особое приглашение требуется, товарищи разведчики? – проворчал Шубин. – Марш в лес!

Десять человек перебежали к опушке, затем подтянулись еще двое. Группа спустилась в заросшую черными осинами низину. С этой минуты началось бессмысленное блуждание по болотам. Здешние топи простирались на несколько десятков квадратных километров. Иногда болота обрывались, голубели озера, тянулось редколесье с относительно твердыми почвами, потом опять начинались низины, представляющие серьезную опасность. Преобладали кустарники – пока еще голые, кривые, невысокие деревья. Между ними поблескивали «окна» – иногда вода по колено, иногда – губительная топь. В этом квадрате Шубин никогда не был, но направление знал. Предстояло углубиться в эту клоаку километра на четыре. Люди медленно передвигались в колонне по одному.

Головные Фадеев и Костромин проверяли тропу жердинами.

– Ну, чего ты в нее тыкаешь, Никита? – раздраженно бурчал коренастый круглоголовый Фадеев – бывший сотрудник милиции из шахтерского городка. – Видно же, что твердая почва!

Он отпихнул плечом товарища, шагнул и провалился по голень, успев схватиться за ближайшее дерево. Остаток пути Фадеев был задумчив и вяло огрызался на подколки товарищей.

В низинах было глухо, как в склепе, звуки извне практически не поступали. Но когда бойцы выбирались на открытую местность, они слышали канонаду. Иногда казалось, что мины и бомбы сыплются совсем рядом.

Группа прошла половину пути, когда по курсу выросла обширная топь, лишь на отдельных участках прореженная кочками. На открытых местах чернел снег. Водную гладь покрывала тонкая ледяная корка, ломающаяся от легкого прикосновения. Люди в растерянности мялись на берегу пруда. Обходной путь предстоял долгий и непредсказуемый. Угловатый, обманчиво нескладный красноармеец Руденко отобрал у Костромина шест и осторожно попробовал воду. Жердина вошла сантиметров на пятнадцать. Руденко сделал шаг, стал щупать дальше. Шест провалился почти наполовину. Боец замахал руками, Костромин бросился на выручку. Разведчика спасли, но шест утопили.

– Ну вот, остались без инструмента, – недовольно проворчал Фадеев. – Ты, Владимир Михайлович, прямо как Фома Неверующий!

– Товарищ лейтенант, обходить придется, – выдал ценную мысль Алексей Становой – осанистый, голубоглазый – из тех, по ком во все века сохли девчонки. – Понятно, что это долго, но другого выхода нет.

– Догадливый, боец! – крикнул Шубин. – Вот ты и двигай в обход! – Он кивнул подбородком. – Да Глинского с собой возьми. А вы двое, – он повернулся к Ляху и Иванчину, – идите в другую сторону. Посмотрим, кто раньше дорогу найдет.

Задержка была непростительной, разведчики потеряли больше часа на поиск обходной дороги и еще примерно столько же, чтобы обойти коварную трясину.

Солнце миновало зенит, до сумерек оставалось часа четыре, когда группа наконец вышла в нужный квадрат. Уставшие, они брели по мутной жиже, с трудом вытаскивая ноги из клейкой массы. Ветер протяжно выл в кронах искривленных деревьев, иногда донося звуки выстрелов. Разведчики замирали, тревожно вслушивались. Эти звуки могли доноситься откуда угодно. Местность пошла на подъем, под ногами уже не чавкало. Зеленел пригорок. Прямо по курсу простирались кустарниковые заросли и островки леса. Дальше снова стартовали опасные низменности.

Шубин присел на корточки и сделал знак: всем лежать. Как-то сухо стало в горле – не к добру! Он перебежал к кустарнику, махнул рукой. Люди подтянулись. Рядом присел Завадский, потянул носом.

– Что-то тут не то, товарищ майор... Запах какой-то... Кровь, металл, гниль...

Завадский работал лесником под Омском, хорошо ориентировался в лесах и имел обостренное обоняние. Глеб тоже что-то чувствовал, но хоть убей, не понимала, что. Два человека отправились в обход направо, двое – налево, остальные, рассыпавшись цепью, пошли в кусты.

Страшную находку обнаружили метров через семьдесят, на поляне. Муренич обернулся. Он был смертельно бледен. По цепи передавали: тихо, замереть! Муренич выскользнул из зарослей и пропал из виду. Было тихо. Шубин подался за ним, перелез через груды гниющих хвостов. Муренич переминался с ноги на ногу, потом вдруг бросился к ближайшему кусту – парня вырвало.

На поляне лежали мертвые тела, напигигованные пулями. Все в советской форме, в основном командиры. Рядом с телами валялись пистолеты и самозарядные винтовки Токарева. Валялась перевернутая и простреленная рация. От этого зрелища волосы поднялись дыбом, а в горле вырос колючий ком. Очевидно, это и был пресловутый штаб 116-го полка и плюс несколько примкнувших к нему красноармейцев. Люди выбрались из болота на сухой участок – форма была оборвана, измазана грязью, – и отсюда они радиовали в штаб 290-го полка, прося о помощи. Видимо, сигнал перехватили немцы, все поняли – сигнал передавали открытым текстом – и отправили группу ликвидации. Шубин присел на корточки и прикоснулся к шее светловолосого красноармейца, все еще сжимавшего винтовку. Кожа была теплой. Не пустись разведчики в обход, они бы успели! Значит, звуки выстрелов не чудились, фашисты сделали свое черное дело и ушли! Нападение было внезапным, ударили с нескольких сторон и перестреляли весь рядовой состав. Остальным, возможно, предложили сдаться, но командиры отказались от «заманчивого» предложения и продолжили отстреливаться. Двое пытались пробиться – их мертвые тела висели на упругих ветках. Один при жизни был капитаном, другой – старшим лейтенантом. Двое мужчин в возрасте покончили с собой выстрелами в головы – комполка и полковой комиссар. У обоих – майорские шпалы в петлицах.

Люди растерянно озирались, блуждали по поляне. Задание провалили. Живых не нашли. Кровь хлестала рекой, немцы стреляли даже в мертвых.

Шубин машинально пересчитал тела – вроде семнадцать. Тревожные молоточки стучали по черепу. Немцы перехватили сигнал и вычислили координаты – значит, могли догадаться, что на выручку штабистам придет специально снаряженная группа. Если время их не подгоняло, они могли расположиться неподалеку и выжидать. Сердце бешено стучало. Округа не подавала признаков жизни. Он прикладывал палец к губам и строил выразительные мины. Подчиненные поняли, сделались тише воды, ниже травы. Глеб жестикулировал: «Двое – налево, двое – направо, еще двое – прямо. Дистанция – тридцать метров. Все осмотреть и сделать выводы».

– Глинский, Иванчин – собрать документы у убитых, – шепотом приказал он. – Быстрее, нечего делать страдальческие лица! У вас две минуты!

Разведчики попятились в кустарник в ожидании, пока товарищи соберут документы. Что-то висело в воздухе такое – тягучее, беспокойное. Завадский не ошибся насчет запаха – многие уже до стрельбы имели ранения.

Бойцы вернулись. На первый взгляд все было спокойно. Нужно срочно уходить. Красноармейцы рассыпались цепью, стали пробираться через кустарник. Напряжение витало в воздухе, давило на стенки черепа.

Сзади хрустнула ветка. Глеб резко обернулся и обнаружил перед собой смертельно бледное лицо Муренича. У бойца подрагивала нижняя губа.

– Товарищ лейтенант, мы последними шли, – зашептал Муренич. – А я еще задержался на поляне – видит Бог, почувствовал что-то! За нами немцы идут!

– Ты что, боец, белены объелся? Они бы давно нас атаковали!

Но сердце предательски дрогнуло.

– Я же не слепой! – жарко шептал красноармеец. – Неужто немецкую солдатню от коряги не отличу?.. Может быть, им невыгодно в таких условиях атаковать – мы же не толпой стояли, а рассредоточились. Точно говорю, двое вылезли с другой стороны полянки, когда мы оттуда свалили. У них маскировочные сетки на касках, одеты в пятнистые комбинезоны – это не просто солдаты, а специальное подразделение, поэтому они и штабистов наших с такой легкостью перешелкали! Они выходить не стали, только один махнул кому-то... За нами идут, товарищ лейтенант! Мы из кустов выберемся, в кучку соберемся, в этот момент нас и перестреляют!

В словах бойца присутствовала истина. Молодой, нетерпеливый, вечно лезет на рожон, а котелок у него варит! Шубин лихорадочно соображал. В кустах стрелять не начнут, если разведчики не выдадут себя, дождутся, пока вся группа выйдет на открытое пространство – и тогда кинжальным огнем в спину. Шубин содрогнулся – а ведь этот парнишка спас всю группу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.